

Секция «Национальная внешняя политика в меняющейся международной среде»

**Символическая политика в контексте национальной модели «мягкой силы»
Республики Корея**

Научный руководитель – Капицын Владимир Михайлович

Джанаева Алтн Эрдниевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Кафедра сравнительной политологии, Москва, Россия

E-mail: djanaeva-altn@ya.ru

**Символическая политика в контексте национальной модели «мягкой силы»
Республики Корея**

Несмотря на многочисленную критику, концепт «мягкой силы» не теряет популярности в научно-академических кругах разных стран и количество публикаций с упоминанием данного термина продолжает расти. На начало 2020 года, по запросу «мягкая сила» в поиске научной электронной библиотеки «E-library», представляющую из себя одну из крупнейших российских информационно-аналитических площадок, находится более 220 тысяч публикаций, что говорит о неугасающем интересе отечественного академического сообщества к данному концепту. [1] За прошедшие двадцать лет с тех пор, как американский политолог Джозеф Най-мл. впервые употребил словосочетание «soft power», данный концепт прочно вошел в современный лексикон российского политолога, не уступая по актуальности таким наиболее новым разработкам, как «smart power» или «умная сила» от того же автора. Тем не менее, исследователи продолжают расширять не только инструментарий «мягкой силы», но и изучать его содержательно. Одной из наиболее перспективных сторон для исследования автору представляется рассмотрение соотношения «мягкой силы» и символической политики на примере национальной модели несилового влияния Южной Кореи.

Джозеф Най-мл. выделял три базовых ресурса, на основе которых строится «мягкая сила» любого государства, но здесь стоит упомянуть, что он отмечал, что подобное влияние может осуществлять не только государство, но и любой субъект, обладающий на то потенциалом. [2] Харизматичный лидер или авторитетная организация также может обладать «мягкой силой» и использовать её по своему усмотрению. Три основных ресурса - это культура, политические ценности и внешняя политика государства. Если рассматривать два первых источника - культуру и ценности - в рамках символической политики, то необходимо заметить, что «мягкая сила» как раз взаимодействует и оперирует политическими символами для построения и продвижения положительного имиджа государства.

По мнению Н.С. Розова, символы представляют из себя «принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические и/или идеологические святыни (ценности)». [3] В.М. Капицын и А.А. Акмалова отмечают, что символ - это сложная совокупность знаковых, смысловых и вспомогательных элементов, где есть образ, трансформирующийся при помощи ритуала в знак, идея о смысловой и ценностной основе, носители образа. [4] Символическая политика в таком случае становится проводником культурных, политических и других символов, некоего рода платформой, где ценности и идеи увязываются в единую систему. Символическая политика становится частью культурной политики и одновременно транслятором для консолидации общества вокруг или во имя национальной идеи, если таковая существует.

Как отмечает О.Ф. Русакова и В.М. Русаков, основным инструментом символической политики является дискурс, а главными агентами проведения дискурса можно назвать представителей «символической элиты», те, кого в современной информационной среде принято называть инфлюенсерами или лидерами общественного мнения. К таким людям относятся, в первую очередь, журналисты, писатели, телеведущие, популярные артисты и блогеры. [5] К примеру, прошедшая в феврале 2020 года, 93-я церемония Премии Американской академии кинематографических искусств и наук, также известная как «Оскар», подняла немало шуму в корейском обществе, поскольку впервые главная награда была присуждена фильму на иностранном языке, снятом корейским режиссёром Пон Чжун Хо. [6] Кинокартина «Паразиты», повествующая об остроте социального неравенства в современном капиталистическом обществе, стала триумфом южнокорейского кинематографа и ярким символом национальной культуры.

Символическая политика также тесно связана с концепцией национальной памяти государства и отображает укоренившиеся идейно-политические знаки в обществе. Так, например, известно, что во время Второй мировой войны японская армия создавала так называемые «станции утешения» - завуалированное название борделей для солдат, где жительницы оккупированных территорий подвергались сексуальной эксплуатации и прочим нечеловеческим унижениям. В 2011 году по инициативе Совета по делам женщин, угнанных в сексуальное рабство в Японию, перед зданием японского посольства в Сеуле был установлен мемориал. Он изображал девочку-подростка, на плече которой сидит птица. В 2015 году Токио в лице премьер-министра Синдзо Абэ принёс извинения корейским женщинам и потребовал демонтажа статуи в обмен на выплату миллиарда йен. Однако корейское правительство задержало урегулирование данной проблемы на год, а после прихода к власти президента Мун ЧжеИна и вовсе отказалось принимать извинения, заявив, что Япония должна официально признать свою вину и понести ответственность. В 2017 году памятник из Сеула был перемещён в Пусан, где он также стоит перед зданием японского посольства, и в других странах (США, Канада, Австралия) на добровольные пожертвования представителей корейской диаспоры были установлены аналогичные мемориалы в память о женщинах, прошедших через «станции утешения». [7]

Таким образом, рассмотрение символической политики в рамках несилового влияния представляет собой актуальную и малоизученную тему, особенно, когда речь заходит о национальных символах восточноазиатских стран, таких как Республика Корея или Япония.

Источники и литература

- 1 . Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU» // Результаты поискового запроса [электрон. ресурс] Режим доступа: https://elibrary.ru/query_results.asp Дата обращения: 1.02.2020.
- 2 . Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ "Тренды", 2006. С. 37-38.
- 3 . Розов Н.С. Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. – 2011. – №1. – С. 30.
- 4 . Акмалова А.А., Капицын В.М. Символьные комплексы в политической культуре // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. – 2015. - №20. – С. 91.
- 5 . О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. «Мягкая сила» политических медиаобразов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2017.

– Т. 12. – №1 (161). – С. 55.

- 6 . Революция на «Оскаре»: почему фильм «Паразиты» Пон ЧжунХо творит историю // Информационное агентство Тасс [электрон. ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/kultura/7723635>. Дата обращения: 28.02.2020.
- 7 . Дело принципа: Сеул ждёт от Японии извинений за сексуальную эксплуатацию кореянок в годы Второй мировой // Информационное агентство «Россия сегодня» [электрон. ресурс] Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/402231-yuzhnaya-koreya-seksualnaya-ekspluatatsiya-korea>. Дата обращения: 28.02.2020.